

ГЛАВА 1

1

Под ногами Джеффри Томпсона — он стоял на самом краю утёса и рассматривал берег — змейкой вилась узкая полоска камней, припорошённая снегом. Тёмно-синяя вода набегала и пенилась, воздух был колюч, небо — по-зимнему низким и бурым.

На Томпсоне было коричневое коверкотовое пальто, выдавший виды хомбург и перчатки на руках, стиснутых в кулаки. Томпсон не мог унять дрожь.

Он взглянул на часы — было без четверти восемь, затем на ботинки. Ботинки промокли насквозь.

С полчасца уже тускло горело утро.

Небо нависало сплошным кроваво-мясистым облаком. Хирург нашёл бы его похожим на хлябь из раздавленных внутренних органов. Астроном бы вспомнил о глобулах, глядя на тут и там чернеющие на багровом фоне тучи. Еле пробившийся свет, гранитно-серый и давящий, падал на заснеженный пейзаж утёса Морган и холодное море.

Дом в грузинском стиле в три внушительных этажа стоял поодаль от обрыва ярдах в пятистах. Слишком уж далеко, чтобы кто-то находящийся в нём приметил человека над пропастью. Так считал Томпсон, и его эта мысль огор-

чала. Уже час там, на краю, он подавлял в себе желание напроситься к огню и горячему чаю.

«Паршиво, — думал мужчина, — начинается день».

Ещё — его разочаровал утёс Морган. Или больше — возмутил тем, что его не было видно. Хотя это не была вина самого утёса. Уж если искать виновного, то им точно был фотограф, так удачно запечатлевший скалу на снимке. Свой кадр он, конечно, делал из лодки на приличном от берега расстоянии. Фотографию потом купила и растиражировала на своих открытках Королевская почта.

А Джеффри Томпсон — в его кармане сейчас как раз лежала одна из таких открыток — стоял наверху, и выходило, что вся заветная красота оставалась у него под ногами.

И как он не подумал об этом раньше!

Продавай контора Кука пешие туры на утёс Морган, обманутые клиенты жаловались бы: «Вы нас на задворки мира отправили, а утёса-то и не видно! Нужно было по морю!» А ближайший спуск к воде в восьми милях...

Томпсон вздохнул, мёрзлый воздух обжёг его горло и нёбо. Когда он вновь глянул на часы, было почти девять.

А если никто так и не выйдет?..

2

Послышались шаги — скрип снега под ногами, словно кто-то услышал его мольбы. Какая-то фигура отделилась от дома и направилась в сторону обрыва.

Джеффри Томпсон облегчённо выдохнул.

Силуэт не давал возможности определить пол незнакомца. Чёрная шляпа и пальто свободного кроя скрывали человека с головы до ног.

Томпсон отвернулся к морю и сохранял вид глубокой задумчивости до самого момента, когда снег захрустел совсем близко и хрипловатый голос произнёс:

— Майкл!

Томпсон повернул голову. Перед ним стояла женщина лет пятидесяти, её породистое лицо с острыми чертами и на-румяненными щеками выражало внезапную растерянность. В руках она держала докторский чемоданчик из потрескав-шейся крокодильей кожи.

— Простите. Я решила, что вы — Майкл.

— Джеффри Томпсон.

— Откуда вы? С юга? У вас акцент.

— Из Корнуолла.

Женщина расстроено покачала головой.

— Раз вы не Майкл, я продолжу поиски. Опять он сбежал.

— Ваш муж?

— Брат. Ему нельзя на холод. Я тревожусь о его со-стоянии.

— С ним что-то не так?

— Можно и так сказать.

Женщина оставила взволнованный тон и строго за-явила:

— Я доктор Урсула Джейкобс.

Томпсон приподнял брови.

— Эту фамилию я слышал.

— Очень лестно.

Урсула взглянула на промокшую обувь Томпсона.

— Так вы сократите себе жизнь.

Джеффри Томпсон по-мальчишески открыто улыб-нулся:

— Мне ничего такого не грозит.

— Вы самоуверенны. Служили во флоте, должно быть.

— Не в этом дело, — Томпсон достал сигареты и начал вертеть пачку двумя пальцами. — Понимаете, я приехал сю-да, чтобы покончить с собой.

Урсула слегка наморщила лоб. Когда она заговорила, её голос звучал, как и прежде, деловито, но теперь с ноткой интереса:

— И почему же вы решили сделать это непременно под окнами моего дома? В Королевстве кончились скалы?

Джеффри Томпсон выронил пачку. Наклонившись за ней, он спросил:

— Вас волнует только это?

— Разумеется. Вы прыгнете, и что дальше? Прибудет полиция, начнётся выяснение обстоятельств. А знаете, сколько вреда такой шум нанесёт здоровью моих пациентов?

Томпсон не ответил. Его обескуражило такое равнодушные к его судьбе, да ещё со стороны врача.

— Это — моя лечебница, — Урсула кивнула в сторону дома. — На десятки миль ни души. Моим пациентам здесь хорошо. А тут являетесь вы и своим возмутительнейшим и крайне эгоистичным поступком собираетесь растревожить их покой.

— Я приношу свои извинения, — растерянно сказал Томпсон. — Всё дело в этой открытке.

Он спешно полез во внутренний карман в надежде оправдать своё недостойное джентльмена поведение.

— Видите — утёс Морган. Аж дух захватывает, правда?

Урсула взглянула на снимок голой скалы, напоминающей нос воспарившей над водой акулы.

— Это где?

Томпсон не поверил ушам.

— Прямо у вашего порога! Мы с вами сейчас стоим как раз вот здесь, — он ткнул в макушку скалы на снимке.

— Никогда бы не подумала, — Урсула перевела взгляд на сигареты.

— Утёса не видно, когда стоишь на нём. Вот в чём дело.

— Итак, вы решили прыгнуть?

Томпсон дал себе минуту, прежде чем ответил:

— Глупо выходит. Понимаете, моя жизнь, как бы лучше выразиться... не была яркой.

— Это легко понять, — согласилась Урсула. — Последние годы были несладкими.

— Моя причина не в войне. Началось это гораздо раньше. Впрочем, не важно. Я хотел выпить яд. Не поверите, пошёл за ним в аптеку — она у нас в почтовом здании находится, — а там, на стенде, она — эта открытка. Чем-то меня зацепила. Такая дикая красота...

— Вы надеялись купить яд без рецепта?

Томпсон моргнул, облизал губы.

— Я надеялся украсть яд... Вернее, ограбить. Хотел запугать аптекаря игрушечным револьвером...

Урсула кивнула и сухо сказала:

— Теперь понимаю.

— А глядя на открытку, решил: жизнь была серой. Что, если смерть будет яркой? Уж на это я могу повлиять. Мысль так очаровала меня, что я не смог себе отказать. Купил открытку, разузнал, где это место. Оказалось оно, правда, на другом конце острова. Но что я терял? Меня буквально захлестнули эмоции, я ждал эту поездку...

— Так и не закурите?

— Что, простите?

— Сигареты! Я говорю...

— Урсула!

Они обернулись в сторону дома.

— Урсула! — донеслись раскаты грубого голоса.

Джеффри Томпсон ничего не успел понять, кроме того, что лицо его собеседницы резко перестало быть официальным и строгим. На него глядела теперь другая, смертельно испуганная, женщина. Её глаза будто стремились вылезти из орбит.

— Дайте сигареты!

— Что?

— Сигареты! — Урсула бросилась вперед, едва не столкнув Томпсона с обрыва.

— Что вы делаете?!

— Отдайте!

— Вы спятели, док!

— Летите ко всем чертям! Оставьте сигареты!

Мужчина побежал. Урсула, отбросив чемоданчик, пустилась следом.

— Вы — ненормальная!

Догнав, она кинулась на Томпсона и потянула за собой в сугроб, вцепившись руками и ногами мёртвой хваткой.

Томпсону не было жалко сигарет, но даже на пороге смерти его не оставила привычка защищать свою честь. Он крепко сжал пачку в кулаке и прижал к груди. Сильный укус в шею заставил его вскричать от боли и на секунду лишил сил. В этот момент ей удалось его перевернуть. Томпсон нырнул лицом в обжигающий снег, Урсула налегла сверху. Но вдруг всё прекратилось так же внезапно, как началось.

4

Джеффри Томпсон почувствовал, как навалившееся на него тело обмякло. С тяжким стоном ему на плечо упала голова нападавшей, из-под свалившейся шляпы посыпались длинные желтоватые локоны.

Томпсон поспешил высвободиться. Он скинул с себя руки и ноги женщины, те скатились с него, как дрова. Укус на шее горел адским пламенем. Томпсон взял пригоршню снега и приложил к полыхавшему месту, стиснув зубы. Взглянул на тело, распластавшееся рядом — Урсула была явно в отключке.

И только после этого сообразил, что рядом кто-то есть.

Кто-то затмевал собой небо.

Томпсон поднял голову. Первое, что разглядел, было тёмное платье из грубого материала, обтягивающее обширное тело, похожее на бесформенную глыбу. Открытые щиколотки в шерстяных чулках, оказавшиеся у Томпсона прямо перед носом, напоминали прочные сваи, уверенно державшие крупную женщину.

Наконец, в руке её он заметил шприц. Уже пустой.

— Поможете донести её до дома?

Голос — низкий и до того объёмный, что будто выходил напрямиком из грудного резонатора, — не оставлял шансов на церемонии.

Томпсон встал и отряхнулся.

— Конечно.

Они подхватили Урсуну за руки и ноги.

— Но если что, я и сама справлюсь.

В том у Джеффри Томпсона не было никаких сомнений. Такая и его запросто утащила бы на своём массивном плече.

— Без проблем.

Ей было под пятьдесят. Заплывшее рыхлое лицо без косметики. Сухие губы, маленький круглый нос, тёмные с проседью короткие волосы, небрежно зачёсанные набок. Глаза, казалось, не двигались, веки не моргали. Томпсону показалось, что она и затылком могла видеть.

— Погодите.

Женщина опустила ношу на снег, подняла брошенный чемоданчик, отряхнула снег с откатившейся в сторону шляпы и нахлобучила её себе на голову. Затем развернулась к Томпсону спиной, взяла Урсуну за ноги и двинулась напролом через снег, как танк.

Томпсон — высокий, крепкий, хоть и худощавый мужчина, — поддерживая плечи Урсуну, с трудом поспевал, спотыкаясь о снег. Его мучил вопрос — почему они несли живого человека вперёд ногами.

Был ли это ещё живой человек? Что ей вкололи?

Томпсон не решился спросить.

Вместо этого сказал:

— Доктор набросилась на меня из-за сигарет...

— Доктор?

Томпсон хмыкнул.

— Доктор Майкл Джейкобс сейчас в процедурной.

— А это кто?

— Его сестра, — сказала женщина.

Погодя она спросила:

— А вы кто?

Джеффри Томпсон вкратце повторил свою историю.

— Ну, допустим. Как вы сюда попали?

— Пешком.

— Откуда?

— Со станции в Эйре.

— Пятнадцать миль шли пешком? — женщина прокашлялась. — Безумие. Каким поездом ехали?

— Тем, что из Глазго.

Женщина помолчала.

— В Эйре он останавливается без четверти два ночи.

— Верно, я шёл всю ночь. Без указателей было тяжело-
вато.

— Вы проголодались! — прозвучало, как приказ. — И как же вы не заблудились?

— Контролёр на станции объяснил дорогу, сказал, что надо идти через Соммердин, опустевшую деревню. Мне повезло, что он знал про утёс.

— Потому что сам, должно быть, из Соммердина. Всякий, кто жил там, знает про утёс.

Женщина опять прокашлялась.

— Пятнадцать миль ночью через пустоши? Ради скалы?

Вы хоть понимаете, какой опасности себя подвергли?

— Вообще, учитывая, мою конечную цель...

— Вы не поняли. Когда деревня вымерла, сюда пришли волки. Ночью на них напороться проще простого.

Томпсон побледнел.

— А быть загрызенным волками совсем не то, что в лепёшку расшибиться, не правда ли? — усмехнулась женщина.

— Контролёр ничего не сказал про волков.

— Меня зовут Барбара. Барбара Холлис.

— Джеффри Томпсон, — повторил своё имя мужчина. — А что вы ей вкололи?

— Хлорпромазин. Нейролептик. Всегда ношу с собой.

Барбара откашлялась.

— Бедняжка неделю пробыла на чердаке — доктор наказал её. Сегодня утром я меняла простыни, и ей удалось сбежать.

— Знаете, я и предположить не мог, что с ней что-то не в порядке. Она говорила, как человек в здравом уме.

— В том-то и суть. Выявить безумца только доктору под силу. Я имею в виду доктора Джейкобса.

— Это его лечебница? Контролёр о ней и словом не обмолвился, хотя такое соседство с утёсом...

— Второе Рождество тут справляем. Особняк выстроил крупный магнат, пациент мистера Джейкобса. Завещал дом доктору. В войну застрелился.

— Банкротство?

— Жить надоело, — бросила Барбара резко. — А что вас удивляет? У вас самого что на уме?

— Ну, у меня-то заводов нет.

— А будь у вас деньги, вы бы не прыгали?

Томпсон понял, что сглупил.

— Нет. Мои раны куда глубже, — сказал он.

— Мне тоже так кажется. Вы не похожи на меркантильного джентльмена.

— Вы считаете?

— На вас хорошие перчатки.

Они подходили к парадным дверям.

— За что доктор наказал сестру?

Барбара ответила, глянув через плечо:

— За плохое поведение. Сюда, — она толкнула дверь ногой, они вошли в тёплый и уютный холл.

— Что же она наделала?

— Положим здесь, — Барбара указала на кушетку у стены.

Она стянула с Урсулы пальто — под ним была лишь ночная сорочка — и, выпрямившись, громко прокашлялась.

— Вас никогда не наказывали в детстве, мистер Томпсон?

ГЛАВА 2

1

— Разумеется, — сказал Томпсон. — В детстве мне частенько перепало.

— Дальше я сама.

Барбара взяла Урсулу на руки.

— Обождите здесь. Снимите пальто и погрейтесь. Я скоро подойду.

Джеффри Томпсон оказался в просторной гостиной с растопленным камином. Его охватило приятное тепло, а вместе с ним и незримое присутствие бывшего владельца дома. Деревянные панели, картины, торшеры и настенные бра, роскошные часы на каминной полке. Много комнатных цветов. У стены на столике стояли бутылки с напитками. Обитель ничем не выдавала лечебницу.

Томпсон снял мокрые ботинки и присел на корточки у самого пламени.

Теперь он мог расслабиться. А ведь минутами раньше, оступись он, его тело могло лежать, распластавшись на камнях...

Рядом стояла рождественская ёлка в огнях и игрушках, заботливо украшенная, источавшая хвойный аромат. Два эркерных окна глядели на восток, на пугающее полотно снега, матовое, без конца и края.

Вновь занял укус на шее. Томпсон потрогал рану, на руке осталась спёкшаяся кровь.

В коридоре раздались уже знакомые тяжёлые шаги.

— Присядьте на диван.

Барбара держала бутылочку с раствором и набор для перевязки.

— Будет щипать.

Томпсон послушно стерпел процедуру. Щипало — это мягко сказано.

— Я объясню более понятно, — сказала Барбара, бинтуя шею Томпсона. — Урсула страдает диссоциативным расстройством идентичности. Вам известно, что это такое?

«Да уж, диссоциативное расстройство — проще не придумаешь», — хмыкнул про себя Томпсон, а вслух ответил:

— Вроде бы. Но, признаться, я никогда не встречал людей с подобным... поведением.

— И навряд ли встретите. Их стараются держать подальше от общества. У этих бедолаг много личностей, запертых внутри тела.

— Сколько же их у мисс Джейкобс?

— Мы ещё не всех посчитали. На Урсулу удивительным образом влияет одежда. Она находит какие-то тряпки, и в соответствии с ними происходит перевоплощение. Сегодня она взяла пальто, шляпу и чемоданчик доктора Джейкобса из его кабинета.

— Ах, вот оно что...

Барбара закончила с раной и поглядела на ноги Томпсона.

— Погрейтесь ещё у огня.

Она вышла и через четверть часа вернулась с парой тёмно-коричневой обуви.

— Примерьте.

Туфли оказались на размер велики.

— Следуйте за мной.

Они пересекли коридор и оказались в столовой.

— Садитесь.

На столе ждала тарелка горячей каши.

Томпсон как вкопанный застыл на месте.

— Садитесь, — повторила Барбара абсолютно тем же нетерпящим возражений тоном.

Джеффри Томпсон сел на указанный стул во главе большого овального стола. В камине за его спиной был разведён огонь.

— Доктор Джейкобс уже позавтракал. Вы сидите на его месте. У каждого пациента есть своё место за столом, но так как вы ещё мёрзнете...

— Погодите, — Томпсон уже мысленно подносил первую ложку ко рту. — Пациенты?

Барбара стояла сбоку. Отчего-то всё тело Томпсона в одно мгновение напрялось, словно запротестовало, но боялось пошевелиться.

— Я так и сказала.

— Извините, я, должно быть, злоупотребляю вашим гостеприимством...

— Сядьте, мистер Томпсон.

2

Томпсон сел обратно.

— Поешьте. Шляпа у вас никудышная, как и обувь. Вы запросто могли получить менингит. Ешьте, пока еда не остыла.

Томпсон принялся есть. Каша показалась ему отвратительной.

Барбара подошла вплотную и, к удивлению Томпсона, начала ощупывать ему голову.

— Что вы делаете?

— Продолжайте есть.

Томпсон послушно жевал, пока мощные жилистые руки странным образом орудовали над ним. В какой-то момент его голова под давлением прижалась к груди. Томпсон прикусил язык. Ещё какое-то время жёсткие пальцы с усердием прощупывали ему затылок.

— Нет. Менингита не будет, — сказала Барбара, отцепившись.

Показалось, что она разочарована открытием.

— Я хотел сказать, что не задержусь. Я уже согрелся.

— Это хорошая новость. Я доложу о вас мистеру Джейкобсу. Вы наверняка захотите его поблагодарить.

Из вежливости Томпсону пришлось кивнуть.

— Как мне следует представить вас?

Мужчина на секунду замешкался и сказал:

— Джеффри Томпсон.

— Я имела в виду род деятельности.

— А! Разумеется. Простите. Я... военный инженер.

После этих слов произошло, как считал Томпсон, поистине невероятное — Барбара улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она, развернулась и исчезла.

Следующие несколько минут Джеффри Томпсон в одиночестве приканчивал кашу. Она оказалась совершенно несъедобной, но голод победил.

Когда тарелка была уже пуста, за дверью раздались шаги, на этот раз легче, даже каблучок постукивал игриво. Томпсон тут же представил себе портрет яснее ясного: молодая девушка, уверенная и жизнерадостная, хотя последнее ну никак не вязалось со спецификой этого дома.

Томпсон вытер рот салфеткой.

Дверь открылась, на пороге показалась девушка лет двадцати пяти в белом джемпере и серых твидовых брюках. Молодая, уверенная и жизнерадостная. На её простом круглом лице лучилась улыбка. В руках был поднос со стаканом.

Дурнушка, решил Томпсон.

— Вот вы какой, мистер Томпсон!

Мужчина привстал.

— Сидите, сидите!

По комнате разлетелся кислый запах.

— Выпейте, это отвар. Он поможет восстановить силы.

Томпсон ухмыльнулся.

— Вообще-то я не так уж и плох.

Девушка улыбнулась в ответ.

— Мужчинам непросто признавать, что им нелегко.

Томпсон отпил и скривился.

— Это настой из трав.

— Горчит, — как можно учтивее высказался Томпсон.

— Меня зовут Сара.

— Джеффри Томпсон.

— Допивайте, мистер Томпсон. И я провожу вас в вашу комнату.

Томпсон поперхнулся.

— В мою комнату?

— У вас есть багаж?

— Багаж?

Девушка зарумянилась.

— Какая же я глупая! Вы же приехали с утёса прыгать, а не фамильные драгоценности закапывать. Ничего, что-нибудь найдём. Кажется, туфли доктора вам подошли.

— Простите, — Томпсон отставил полупустой стакан. — Я несколько обескуражен. Я только лишь помог мисс Холлис донести до дома сестру доктора Джейкобса...

— Миссис Холлис — это моя мать.

— Прошу прощения.

— Мы в услужении у доктора. Мама, я и мой младший брат. Это весь персонал. Кроме самого доктора, разумеется.

— Дело в том, что вы мне предлагаете комнату, но у меня ведь совсем другие планы...

Сара присела на край стола и посмотрела в окно.

— Мистер Томпсон, вам принципиально кончать с собой именно сегодня? Или вы могли бы рассмотреть и другие даты?

Она спрашивала про планируемый день смерти, как спросила бы, в котором часу следующий поезд.

— Вы надо мной смеётесь?

— Конечно, нет. Но я не любительница сантиментов. Я всегда говорю в лоб. На мой взгляд, так правильно. Хотя доктор Джейкобс просит быть более осмотрительной с нашими пациентами.

— Вот опять! С чего вы решили, что я ваш пациент?

— Мистер Томпсон, вот вам реальное положение дел: вы сейчас здесь, с нами. В тепле и сытости. Платить за пребывание вам нет нужды. Утёс — всегда под боком. Надоест с нами жить — выходите и прыгаете. Договорились?

Джеффри Томпсон рассудительно промолчал. Да ведь там, у обрыва, он только и ждал, что его спасут...

— А вам-то что с того, что я останусь?

— Нам — хорошая компания.

Прозвучало трезво, недвусмысленно, словно знакомились молодые люди в баре.

Томпсон сейчас с удовольствием выпил бы.

Он взял стакан и залил в себя горькие остатки. Затем сказал:

— А чай у вас, обычный, подают? Или всегда отвар?

Сара улыбнулась, широко обнажив зубы и розовую полосу дёсен. Улыбка, с сожалением отметил Томпсон, только уродовала эту бодрую девушку.

— Должна же быть ложка дёгтя, мистер Томпсон. Иначе вы у нас пропишетесь, как старик Бульденеж. Я не скромничаю, у нас очень хорошо.

Что-то в груди Томпсона дёрнулось, словно внутри отчаянно забило крылышками потревоженное насекомое. Томпсон знал это ощущение — предчувствие неприятных событий.

3

Комната на третьем этаже была простая и удобная. Однospальная кровать, письменный стол, небольшой платяной шкаф. Над кроватью картина — цветочный ковёр.

Сара наблюдала за реакцией.

— Отнеситесь к этому, как к небольшому приключению, — сказала она, когда, наглядевшись на обстановку, Джеффри Томпсон повернулся к ней.

— Знаете, я только что понял: моя жизнь отныне делится на два этапа. Всё, что было до этого утра, и то, что ещё не наступило. Я имею в виду смерть. Я как будто застрял где-то в пустоте.

Сара позвала жестом к окну. Подойдя, Томпсон увидел место, где простоял всё утро.

— Как видите, утёс у вас никто не забирает. Можете смотреть каждый день и представлять, как вы прыгаете.

Она произнесла это уверенно, без издёвки и цинизма.

— Мы постараемся заполнить вашу пустоту, если будем делать это сообща.

Её живой непритворный голос действовал лучше любого лекарства, подумалось Томпсону.

Он сказал:

— У вас такое простое видение мира, мисс Холлис...

— Зовите меня Сарой.

— Вы ничего не усложняете. Ни себе, ни другим. Люди, должно быть, к вам тянутся, — Томпсон вздохнул. — Не понимаю как, но вы меня убедили.

И через некоторую паузу добавил:

— Но я оставляю за собой право поменять решение.

4

— Я представлю вам остальных. С Урсолой вы уже познакомились.

— Где она сейчас?

— На чердаке. Пока кризис не минует.

— С ней всё в порядке?

— Иначе и быть не может, — с лёгкостью в голосе ответила Сара.

Она провела Томпсона через гостиную в распахнутые двери оранжереи из цветного стекла. Полы в этой просторной вытянутой комнате были выложены большими мраморными квадратами. Тут и там стояли кадки с пальмами, с потолков свисали подвешенные на крючках горшки с растениями. Густая зелень мирта и китайской розы выплёскивалась из них каскадами.

Витражные окна выходили на юг и на запад. Мебель составляли два круглых кованых столика, плетёные кресла — их спинки напоминали раскрытые павлиньи хвосты — и шкафчик у одной из стенок.

У окна, что глядело на юг, стояла наполненная до краёв ванна, из которой торчала голова старика, седая, белая как снег. Рядом на табурете лежала газета с «Латинским квадратом» по центру страницы.

Томпсон подумал, как сильно пожилой мужчина похож на пегую лошадь. Бледно-коричневые болезненные пятна покрывали исхудалое, изборождённое морщинами лицо

и голову вплоть до лысой макушки. Брови, виски, борода и волосы из носа неопрятно лохматились во все стороны.

Пожилой мужчина пристально глядел на Томпсона. Во взгляде его были теплота и участие. Будто старик в ту минуту понимал Томпсона как никто другой.

Сара представила их друг другу.

— Джеффри Томпсон — Бульденеж.

— Простите? — сказал Томпсон.

— Бульденеж — это псевдоним, — объяснила Сара. — На самом деле...

— Ни слова, милочка! — запротестовал старец. — Пожалуйста, присоединяйтесь и помогите мне разобраться в этой, чёрт её дери, головомойке!

Джеффри Томпсон опустил в кресло.

— Остальные ещё не спустились. Я приглашу вас, как доктор освободится, — на этих словах Сара удалилась через маленькую дверь в другом конце комнаты.

Томпсон проводил её взглядом.

— Мордаха — дрянь, но видели бы вы её без одежды! — хрипло заявил старик, прищурившись.

— А вы что, видели? — Томпсон улыбнулся.

— О, нет. Но это нетрудно себе представить, — покачал головой Бульденеж. — Согласны?

Томпсон хмыкнул:

— Признаться, у меня с воображением плохо.

— Да бросьте! Тут даже закоренелый вояка без извилин разглядит! Малышка обтянута туже, чем современная мебель из кожи. В моё время девушки носили пятьдесят семь юбок, напоминавших ангары для дирижаблей. Сколько вам? Сорок?

— Тридцать пять, — ответил Томпсон.

— Совсем юнец. Выглядите неважно. Вам уже предлагали отвар?

— Да.

— Тогда ясно-понятно. От этой дряни всегда физиономию скашивает, будто в пропеллер зажевало.

Вблизи Томпсон обнаружил, что нос Бульденежа напоминал плод лагенарии. На носу сидело древнее пенсне. Он поспешил опустить взгляд на «Латинский квадрат». Дела, как он уже успел отметить, там шли не очень успешно.

— Доктор велит тренировать мозги. Головоломки — лучший способ, говорит он. А вы почему здесь?

Томпсон дёрнул плечом.

— А вы почему? — парировал он.

— Я с пулей в голове, — поспешил ответить старец.

— А, вот как.

Бульденеж тронул пенсне, его рука задрожала.

— Вы не поняли! У меня пуля в черепе. В меня стреляли.

— Стреляли?

— Мафия!

— Ах, вот как.

— Именно так и было. А пулю не достали. Сказали, если попытаются вынуть, то я стану амёбой. А так смогу прожить неделю или месяц. Вот уже два года жду, когда крикну. А у вас что?

— Открытка, — Томпсон достал из кармана изображение утёса.

Лицо Бульденежа засияло от умиления.

— А! Старик Морган! Выглядит моложе нас с вами! Место что надо, да? Я-то знаю. Я всё в этом мире видел.

— Вы моряк?

— Конкистадор!

Бульденеж рассмеялся.

Рука Томпсона потянулась к металлическому вентилятору на столике.

— Не включайте!

Мужчина отпрянул.

— Я только хотел потрогать.

— Провод у него хуже, чем мои нервы. Я сам как-то летом включал — чуть с жизнью не расстался, заискрился весь! А жить хочется...

Бульденеж издал хриплый смешок и продолжил:

— Я художник. По молодости рисовал, работы кое-как продавались. Вот так наскребу что-нибудь — и в дорогу. Бискайский залив, Гибралтар, Марокко, Тунис, Сицилия... Кстати, я как малевать-разъезжать стал, так и поседел. С двадцати лет седой как лунь. Представляете? В двадцать быть старым. Потому и Бульденеж. Прозвали так. Сейчас и облысел давно, и вообще мне другие цветы нравятся...

Старик тяжело вздохнул и вжался затылком в край ванны.

— Но люди-то вперёд заботятся! Сами нарекают тебя, как им вздумается, не успел ты проснуться с седой головой. А клички пристают, как смола. Так и стал подписываться. Вообще забавно: появляется у тебя другое имя, а там и жизнь другая подтягивается. И вот ты уже не в Шотландии родился, а в Стране Басков, и мать твоя не католичка, а цыганка! Занятно, вы не находите?

Томпсон сглотнул, промолчал.

— Не пробовали?

— Не представлялся случай.

— Говорят, художники должны быть ку-ку. Понимаете?

— Наверное.

— В Британии быть ку-ку значит быть изгоем. Куда таких ссылают?

— Наверное, в Австралию?

— На остров! Любой. Понятно? Для британцев любой другой остров — нечто второсортное. Снобизм, понимаете? Я-то давненько отчалил отсюда, прокатился по странам. Да-

же купил себе лачужку на Ибице. Пожил там как следует. Там людей принимают со всеми их приветами и не скупаются на объятия. Понимаете?

Джеффри Томпсон кивнул.

— Так что отшельническая жизнь мне не в диковинку. Здесь, в лечебнице, как на острове. Чувствуешь, что отрезан от цивилизации. Мне нравится.

Томпсон осмелел и спросил:

— Почему вы в ванне?

— Так спокойнее! Вроде подводной лодки. Кажется, что ни одна беда меня здесь не найдёт. Доктор разрешает нам буквально всё, если нам так комфортнее. Мне комфортно — я сижу в ванне в самой красивой комнате на свете!

— А пулю где схватили?

Бульденеж скривился.

— Всё мой брат-кретин. Нехорошим человеком был. Как-то навестил меня со своей дочерью на Ибице и остался. За лучшей жизнью приехал. Я ж для него всегда аделантадо был, во всём. А он всю жизнь свою никчёмную механиком лопатил где-то на севере, потому, приехав, устроил себе автомастерскую в моём испанском гараже.

Как-то раз к нам подъехал новенький «Мазерати». У брата глаза повылазили, слюна побежала. А там всего-то колесо спустило. Брат-кретин полез за запаской, а в багажнике — сумка. Этот болван её хапнул и в кусты запрятал. А пока менял колесо, из машины вышла девочка, дочка пассажира, расположившегося на заднем сиденье. Совсем малютка.захотелось поиграть ей на солнышке. Не прошло и двух минут, как она сумку из кустов вытащила! Тут же вой подняла. После этого из машины вышел человек в костюме, достал ствол. Началась стрельба. Мы с племянницей выскочили из дома, чтобы поглядеть, что там. Короче, человек в костюме по ошибке попал своей дочери точнёхонько в лоб. Мой

брат-кретин сбежал. Пришлось и нам бежать. Дом обстреляли, меня догнала пуля. Выкарабкались мы с племянницей с какой-то божьей помощью...

— Звучит как сценарий к фильму, — заметил Томпсон.

— Такое только там, на юге, случается. Мы вернулись в Соммердин перебежками. Прятались как могли. О брате-кретине я больше не слышал. Всем жизни испоганил!

— Мафия вас больше не искала?

Бульденеж махнул рукой, расплескав воду на пол.

— В этом нет нужды. Я, можно сказать, не жилец, труп, растение. А племянница моя сама утонула в реке полтора года назад.

— Мне очень жаль.

Бульденеж, сняв пенсне, вытер краешки глаз. Затем ещё раз взглянул на открытку, лежавшую на табурете.

— Гипнотическое место — утёс Морган. Я, наверное, поэтому до сих пор здесь. Кстати, а вы что здесь забыли?

— Я хотел прыгнуть с утёса, — сказал Томпсон.

— А! — старик закивал. — Вы — один из этих молодчиков, что вскарабкиваются по скалам и прыгают с них с парашютами? Вы хотите, чтобы о вас трубили в прессе, как об этих лётчицах в юбках?

Бульденеж перевернул газету. На первой полосе красовался снимок одной из последовательниц Эми Джонсон.

— Да нет, хотел просто красиво умереть, — нахмурившись, сказал Томпсон. — Увидел открытку, отыскал это место...

— А, ясно-понятно.

Старик опустил взгляд на повязку вокруг шеи.

— С петлёй не вышло, да? Стесняетесь? — он с пониманием кивнул. — Вот почему вас сюда приволокли. Ну, ясно-ясно.

— Что — ясно?

— Вы — больной. Разве ещё не поняли?

ГЛАВА 3

1

Джеффри Томпсон потёр вспотевшие руки.

— Почему вы думаете, что я болен?

— Ну, в смысле вы — пациент. Идеальный кандидат. Пусечное мясо. Доктор Джейкобс вас ещё не осматривал?

— С ним я ещё не виделся, — подтвердил Томпсон.

— Он будет рад такому приобретению.

— Не совсем вас понимаю.

Бульденеж радостно хлопнул в ладоши, капли воды попали Томпсону на лицо и костюм.

— У вас душевный недуг! Доктор отчаянный. В хорошем смысле. Он кинется разучивать вас вдоль и поперёк. Вы — хороший для него пациент.

— Вы считаете?

— Тут иного мнения быть не может. Вам тридцать пять. Если бы вам было сорок, доктор навряд ли бы вас оставил здесь. Самоубийца в сорок — тут всё понятно. Устал от жизни. Но до сорока должна быть какая-то интересная причина. Для доктора интересная, в смысле. Вы ж не из-за денег?

Томпсон покачал головой.

— Ну вот о чём и речь. И возраст до сорока — это когда можно ещё что-то исправить.

— Не знаю, — вздохнул Томпсон. — Такое ощущение, что мне уже давно за сорок и ничего нельзя исправить.

— И выглядите так же. Ничего. Доктор знает своё дело. У него свои методики. Он заставляет нас играть.

— Играть?

— Да, в игры. Как детей. Он считает, что все наши проблемы уходят корнями в наше детство. А значит, лечить нужно там. Лечить нужно детей. Понимаете?

Томпсон растерянно глянул на свисавший неподалёку горшок с торчащей травой аспарагуса.

— Честно говоря, не очень, — сказал он.

— Доктор считает, что мы впадаем в детство, когда играем... Ох, беда с вами! Сейчас объясню. Взрослые любят врать или умалчивать. Так?

— Так, — согласился Томпсон.

— Дети тоже постоянно выдумывают, но когда ребёнок увлечён, он всегда говорит, говорит, говорит, и на языке у него всегда то же, что и на уме. Поэтому когда вы играете, когда становитесь ребёнком, вы — максимально честны. Вы открываетесь, сами того не замечая.

— Но я-то всё равно взрослый. Я могу врать, блефовать...

— Конечно, вы можете! Я что, на дурака похож и не понимаю этого? Но нужна вам эта способность сейчас... — Бульденеж поперхнулся и откашлялся. — Вы ведь хотите себе помочь?

Джеффри Томпсон кивнул:

— Пожалуй.

— Потому нам всем требуется следовать указаниям доктора, причём бессознательно. А пока мы, с позволения сказать, пребываем в детстве, доктор за нами наблюдает. Делает какие-то свои пометки. Смотрит на наши повадки, реакции. Он думает, что сможет нас всех таким образом излечить.

Джеффри Томпсон в задумчивости вытянул губы трубочкой.

Бульденеж поглядел на него с умилением, точно дед на внука.

— Всё ещё не поняли?

Томпсон покачал головой:

— Суть я, кажется, уловил, но мне всё ещё неясны практические методы лечения...

— Лечение для каждого имеет свой подход, — продолжал Бульденеж. — Но в основе каждого лечения лежит наш

общий недуг — наше детство. Запомните: все дороги ведут в детство!

— Постараюсь запомнить, — кивнул мужчина.

— А грамотных специалистов, таких как доктор Джейкобс, крайне мало. Сейчас как ведь: болит душа — значит, лоботомия! Сразу берут железо и копаются в черепе в поисках камней глупости... Но, право, нельзя же из всех растений делать! Иначе мир станет похожим на эту комнату. Представьте: будем с вами висеть в горшках и выделять фитонциды!

Томпсон вежливо хмыкнул.

Бульденеж отсмеялся вперемешку с кашлем и сказал:

— На самом деле доктор ищет способ вылечить свою сестру Урсулу. Уж кто-кто, а она больна на все свои головы. У этой малютки множество личностей. Дрессировщица тигров, маленькая девочка, взволнованная вдова, опаздывающая на поезд...

— Даже так? — удивился Томпсон.

— Ещё была увядающая актриса, она мне, кстати, больше всего нравилась. Было в ней что-то такое по-человечески жалкое, ничтожное... У меня к ней было сильное чувство сострадания. Надеюсь, она не покончила с собой...

— А что, такое может случиться?

— Ну да, каждая личность может вернуться в её тело вновь. Но я слышал, как доктор говорил Барбаре, что актриса может умереть. Она — самая ранимая и неуравновешенная из всех. И что запросто может наложить на себя руки.

— Ух ты! — только и нашёл что сказать Джеффри Томпсон.

— Доктор потому и клинику эту учудил, чтоб поэкспериментировать над добровольцами с разного рода недугами. Даже пациентов пытался набрать по объявлению в газете. «Излечение душевных травм по экспериментальной методике». Думал, после войны отбоя от желающих не будет.

А по той заметке только одна семья откликнулась, та, что парнишку своего сюда из Эдинбурга отправила. Остальные, включая меня, уж как-то сами поднабрались. Прямо как вы.

Томпсон понимал, о чём речь.

— Теперь у доктора есть пять морских свинок для опытов, включая вас и саму Урсулу. Пять случаев душевных травм, разобрав которые, доктор надеется отыскать универсальную вакцину от отклонений в мозгу. И зная наперёд ваши мысли, скажу: я тоже считаю это чистой воды безумием.

— Не верите в методы доктора?

— Ну... это слишком категорично. Знаете ведь, братья Монгольфье тоже не сразу поняли, чем свой шар наполнять.

— И всё же почему вы здесь?

— Молодой человек! У меня нет денег, нет собственной крыши. Мне триста лет. Я, как говорится, конченный человек. Куда податься? Дома престарелых переполнены, а для госпиталей я ещё слишком похожу на живого. И в услужении старые заплесневелые поленья вроде меня никому не нужны.

Старик чихнул и вытер дрожащими, покрывшимися от воды морщинками пальцами нос.

— О, бедность, бедность! Как унижает сердце нам она... — он чихнул ещё раз.

— Здесь сквозит...

Бульденеж как не слышал. Отчихался и продолжил сыпать словами:

— Здесь за мной ухаживают. Так что я готов быть ребёнком до последнего часа, если взамен мне дадут кров. Мой час близок. Не забывайте: у меня пуля в голове! Из-за неё теперь трясутся руки, как только их поднимаю. Вот, глядите. Рисовать уже не могу. А значит, и зарабатывать. Ничего не умею больше. А вы чем зарабатываете?

— Я — военный инженер.

— А конкретнее?

— Сапёр, — сказал Томпсон уже тише.

Бульденеж вытянул физиономию.

— Боже правый! И пришли с утёса прыгать? Да вы же счастливчик! Гляньте: руки-ноги целы! Кошунство, скажу я вам! Даже если в бога не верите. Перед собой не стыдно?

Томпсон пожал плечами.

— Сколько вы этим делом занимаетесь?

— С семнадцати лет.

Старик похлопал Томпсона по плечу мокрой рукой.

— Вы — счастливчик, мой дорогой! Я хоть и всего два года, но тоже по краю хожу. Так что знаю, о чём говорю. Мы с вами богом целованы. И вот что, — он постучал пальцем по голове. — Эта пуля лишь доказательство, что нас, изгоев, не просто истребить. Мне не суждено сойти в землю от неё. Как и вам от снаряда. В Соммердине у доктора был пациент, сын фермера, ему как-то не повезло с вилами, насадился почти до сердца. Доктор спас ему жизнь. Представляете? На волоске от смерти!.. Что с вами?

— Просто вспомнил. О волках.

— Ну-ка, поподробнее!

— Подумалось, что меня даже волки не захотели сожрать. Ни одной твари не встретил, а шёл всю ночь. Правда, тогда я ещё не знал...

— Что в деревню пришли волки? А! — Бульденеж возбуждённо закивал. — Теперь это их территория. Соммердин высох, как обмелевшая речушка. Мужчины повымерли, женщины поразъехались в города на заработки. Хотя зеваки всего раз говорили про волков с той поры, людям страха хватило, чтоб больше не соваться в эти края.

Старик обратил к Томпсону пристальный взгляд.

— Так что ночью тут небезопасно. Волки — лучше всякой колючей проволоки, скажу я вам.

Джеффри Томпсон сглотнул.

2

— Значит, вы не больны? Притворяетесь ради иждивения?
Бульденеж бурно зажестиковал.

— Я больной на всю голову, молодой человек! Ну посудите. Во-первых, я стар. Во-вторых — художник, который ничего не рисует. В-третьих, совсем одинок. Вам этого мало?

Томпсон ухмыльнулся.

— Доктору, вероятно, этого хватает.

— Верно, — Бульденеж вздохнул, переменялся в лице. — На самом деле всё куда проще: на мне испытывают все новые лекарства.

И добавил совсем тихо:

— Нелицензированные. Экспериментальные.

— Вы не боитесь?

— А чего бояться? Помните, я наполовину мёртв.

Джеффри Томпсон с пониманием кивнул, потому как ощущал нечто схожее. Здесь он впервые за последние часы позволил телу расслабиться, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Поразмыслив, сказал:

— Значит, следуя логике доктора, если я намереваюсь покончить с собой, то я — душевнобольной?

— Вы больны не больше моего, — махнул рукой Бульденеж. — Просто вы переступили черту. Черту нормальности. Границу, за которую в быту не ступают. А вы ступили, высушили ногу. И теперь доктор будет обследовать вашу ногу со всех сторон, искать причины такого поведения.

— Ну хорошо. Вы говорите, его методика — копать в детстве. А что, если я помутился разумом на недавней войне, а до этого был совершенно нормальным? Тогда такой метод ко мне не подходит.

— Это вы так думаете, что были нормальным! — возразил Бульденеж. — В действительности никто на целом свете не ска-

жет вам со стопроцентной точностью, когда именно у вас стало не в порядке с головой. Однако доктор Джейкобс считает, что в детстве вы были максимально нормальным. Это потом окружающий мир потихоньку засовывает ручищи в вашу светлую головку и начинает там ворошить. Закладывать в вас, понимаете?

Томпсон сделал вид, что понимает.

— Затем путать, переставлять местами всё то, что уже вложил. Руки у мира длинные, свирепые, а бывает, что и короткие, хилые. От некоторых несёт дерьмом, некоторые благоухают ладаном. Но влияют все одинаково. Сад, школа, церковная школа, колледж, военная служба, книги, фильмы, газетные заголовки... Но всё закладывалось ещё с детства. Там корень зла.

Мужчина удивился.

— Зла? Почему именно...

Их прервал неизвестный предмет, влетевший в воду, словно снаряд.

Бульденеж вскрикнул, подскочил на ноги. Томпсон — его окатило с головы до ног — резко встал, тут же поскользнулся и грохнулся на плитку. Из глаз посыпались искры.

— Мой дорогой! Вы живы?

Томпсон схватился за ушибленную голову.

— Вроде бы...

Он открыл глаза — над ним возвышался Бульденеж. Тепло старика оказалось испито и костляво настолько, что походило на парящую над ванной душу.

Томпсон присел, вытер лицо ладонью и только потом заметил в дверях высокое угловатое существо с непропорционально широкими бёдрами и коротким ёжиком на голове. На узких плечах висело нечто бесформенное, вроде атласного балахона, распахнутого спереди.

— Ольга, безобразница! — Бульденеж плюхнулся обратно в воду и достал со дна прилетевший предмет. — Но... это же голова с дома!

Девушка оскалилась.

— Зачем ты её отколупала?

— Хотите посмотреть? Хотите?

Она тащила за собой холст.

— Выхода у нас нет. Поглядим, — сказал Бульденеж.

Ольга повернула картину лицом к мужчинам.

Джеффри Томпсон машинально коснулся утренней щетины на подбородке.

— Вы это сами придумали? — спросил он.

— Сама. Что, нравится?

У Ольги был хрипатый голос курильщицы. Вблизи от неё пахло живичным скипидаром.

— Я, признаться, не силён в живописи и вообще в искусстве... — сказал Томпсон.

— Опять скромничаете! Да вы смотрите, какую эмоцию у вас вызвала сцена на холсте! — торжественно провозгласил Бульденеж. — Вы язык проглотили!

— Признаться — да, проглотил, — кивнул Томпсон.

Ольга перевела взгляд на старика.

— Что скажете?

— Детка, я в восторге! Ты уловила самую суть!

Казалось, отзыва в пару слов ей было достаточно.

— Вы похожи на смерч, — её тон и взгляд на Томпсона резко поменялись.

Мужчина выпрямил спину, будто получил заряд тока.

— Такой же мрачный. И увёртливый.

Раздались знакомые шаги и кашель, в дверях показалась Барбара.

— Ольга, пора.

Угловатое недоразумение с угловатым именем Ольга отшвырнуло картину на мокрый пол.

Томпсон поджал под кресло ноги. Бульденеж, заметив это, сказал, как только обе женщины удалились:

— Вы испугались того, что изображено?

— Испугался — не совсем верное слово.

— Вам неприятно?

— Скорее да, чем нет. Хотя и это не то. Пожалуй, я нахожу это действие чересчур откровенным.

— А! — Бульденеж вытер уголки рта сморщенными пальцами. — У вас что-то связано с матерью? Вы из-за неё прыгать решили?

Томпсон не ответил.

Помолчав минуту, Бульденеж сказал:

— Ольга — художница. Как я. Хотя вообще-то... — старик что-то прокряхтел себе под нос. — Вообще-то не как я. Я всегда рисовал внешний мир. Я — экстраверт, как говорят в науке. Ольга наоборот — рисует то, что прячет внутри.

Старик достал из воды гипсовую голову. Это была голова ангелочка-херувима размером с детскую.

— Её мать — русская графиня, потерявшая всё после революции. Скиталась по домам, прислуживала, родила от хозяина дочку и в десять лет отдала её в монастырь. Доктор взял Ольгу к себе во время войны.

Томпсон догадался:

— Чтобы проводить над ней опыты?

Бульденеж молча кивнул. Затем сказал:

— Так было лучше для всех. В монастыре её не любили. Понятно почему. Она — другая. Вы не думайте, доктор ни-почём не обидит Ольгу! Он изучает её, как цветок в горшке. Просто иногда — во славу науки — он добавляет ей в подкормку какие-то новые ингредиенты...

— Которые сперва проверяет на вас.

— Ну, разумеется! А уж если со мной всё в порядке...

— О каких ингредиентах идёт речь?

— Вот этого не знаю, — резко бросил Бульденеж. — Я доктору доверяю.

Джеффри Томпсон задумался.

— А доктор доверяет мне. Это я научил Ольгу рисовать. Я убедил доктора, что рисование поможет её сознанию раскрыться, а доктору только это и требуется. Поначалу учил срисовывать. Показывал ей знаменитые полотна на почтовых открытках, рассказывал истории их создания, раскрывал секреты техник. Ольга вовсе не глупая. Ей интересно учиться. Да, не дал бог обыденного разума. Техника у неё хромает, но это не от душевной болезни — многие нормальные рисуют как курица лапой. Зато она видит иначе. Видит то, что другие не видят.

— В смысле какой-то дар пророчества?

— Что? Да нет же! При чём тут эти глупости! Ольга видит простые вещи, те, что у нас под носом, но мы их в силу нашего снобизма и напыщенности в упор не замечаем. Мы же думаем, что знаем всё лучше остальных!

Томпсон кивнул в ответ и спросил:

— Вы тоже пытались покончить с собой?

— Что? Нет, я эгоист, так принято у снобов называть людей вроде меня. Но я слишком ценил свой талант, чтобы добровольно с ним расстаться...

Где-то в далёкой комнате что-то звякнуло. Молодой человек напряг слух.

— Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Чушь несусветная! — Бульденеж вскинул руку и тут же уронил в воду. — Талант может выливаться во что-то одно, а в остальном человек может быть серой посредственностью или даже казаться отсталым. Как в случае с Ольгой. Но последнее нисколько не умаляет гениальности человека в чём-то одном.

Он посмотрел в сторону открытых дверей и сказал, понизив голос:

— Вот все думают, что Ольга больная. Они ошибаются!

— В самом деле?

— Ольга просто со своей пулей в голове! А художники должны быть немного с приветом, иначе шедевра не жди. Но это не та болезнь, от которой следует лечить...

В комнату вошла Сара.

— Чудесное утро, не правда ли?

— От вас, милочка, голова кругом, — сказал старик, утопив гипсовое изваяние в воде.

Сара, улыбаясь, поставила карболитовый ящик с тонометром прямо на снимок лётчицы. Бульденеж положил руку на край ванны.

— Хотят убедиться, что я доживу до обеда, — ворчливо сказал он, глядя на Томпсона.

— Мне же нужно знать, на сколько персон накрывать, — подыграла Сара.

Через пять минут, измерив артериальное давление Бульденежа, Сара заметила на полу картину.

— Работа Ольги, — сказал Бульденеж.

— Повесим её в столовой, — Сара подняла и прислонила холст к стене, затем собрала с табурета измерительный прибор и вышла через дальнюю дверь.

Старик дрожащей рукой потёр плечо.

— А вообще-то больные здесь — персонал. Эти Холлисы. Просто кладезь ментальных патологий.

— Что — правда? — удивился Томпсон.

Бульденеж расплылся в ухмылке.

— Да нет. Так-то нормальная семья — мать и двое детей. Но какая-то выморочная эта семья, понимаете? Барбара и Патрик оба узколобые. Барбара — мужик в теле женщины, Патрик — жалкая пародия на мужчину. Сара — не цветок, конечно, но благо всегда бодра и смекалиста, что делает её где-то даже очаровательной. Не пойму только, откуда в ней это. Я ведь знавал их отца. Гнилой, жадный, бездушный человек. Сына за человека не считал, жене изменял, хотя тут

не могу его винить. Дочку замуж хотел быстрее сбегать со своих плеч, да не успел — миокардит вследствие скарлатины.

— Детская болезнь, — задумчиво сказал Томпсон.

— Потому для их убогой семейки Сара как раз таки урод. Чёрная овца. А вообще я вам скажу, — Бульденеж подался вперёд. — Больные — это не те, у кого слюна постоянно бежит или голова кренится набок, как у птички. Больные могут совсем не иметь признаков отличия. А Ольга...

Старик осёкся и виновато посмотрел в сторону дверей.

Томпсон повернул голову.

«Сколько он там уже стоит?..»

На них глядел сквозь очки в роговой оправе высокий мужчина в белом халате. Он был похож на статую: неподвижная фигура, неуловимо задумчивое выражение лица, взгляд сосредоточен — будто глядеть ему ещё вечность.

— Мистер Джеффри Томпсон?..

ГЛАВА 4

1

Голос был спокойный, тихий.

Томпсон встал позвать руку. Майкл Джейкобс двинулся навстречу. У него было красивое гладко выбритое лицо с высокими скулами, впалыми щеками и квадратной челюстью, русые волосы вились и обрамляли лицо, смягчая его строгие черты.

— Доктор Джейкобс, это большая честь для меня. Я благодарен вам и миссис Холлис за возможность погреться и насытиться...

Доктор молча пожал руку. Кинув на Томпсона внимательный взгляд голубых глаз, словно достаточный ответ, он подошёл к Бульденежу, извлёк из кармана продолговатый

футляр и положил на табурет. Затем достал пузырёк с каким-то раствором.

Следующие несколько минут Джеффри Томпсон ощущал неловкость. То ли из-за странного приёма, то ли из-за того, что оранжерея превратилась в процедурную, в которой Томпсон чувствовал себя лишним.

Доктор Джейкобс орудовал над лицом Бульденежа с помощью небольшого прибора. Томпсон с ужасом наблюдал, как доктор давил вначале на одно глазное яблоко Бульденежа, затем на другое, что-то вымерял и бубнил под нос.

Убрав прибор обратно в футляр, доктор Джейкобс озабоченно сказал:

— Сегодня никаких препаратов. Похоже, пуля усиливает давление на зрительный нерв.

— Как скажете, док! — Бульденеж отдал честь дрожащей рукой.

Найдя вдруг Джеффри Томпсона, стоящего рядом, доктор просветлел лицом:

— Пройдёмте ко мне в кабинет.

Томпсон направился следом. Его поразило, что доктор ничего не сказал про картину у стены. Не заметить такое яркое полотно было сложно, думал Томпсон. Проходя мимо, он ещё раз взглянул на холст. За обеденным столом сидела Дева Мария с вилкой и ножом в руках. Перед ней стояла тарелка, в тарелке — младенец без головы.

2

— Присаживайтесь.

Джеффри Томпсон опустился в удобное кресло против массивного стола. Доктор занял своё место за столом. Перед ним громоздилась мешанина из бумаг, двух стетоскопов и каких-то приборов, названия которых Томпсон не знал.

— Сапёр. Тридцать пять лет. Судя по акценту, приехали с юга.

Томпсон слегка улыбнулся. Никому, кроме Бульденежа, он не называл свой возраст.

— Всё так.

Какое-то время доктор молча разглядывал Томпсона.

— Вы были нелюбимым ребёнком? — спросил он.

— Почему вы так решили?

— Вас шокировала работа Ольги.

Джеффри Томпсон поёрзал в кресле.

— Не пугайтесь, у меня нет глаз на затылке. Я следил за вами с момента, как вы вошли в дом.

— О... — Томпсон кивнул. — Вот в чём дело.

— Мне нужно было понаблюдать за вами. Возможно, вы заметили: в доме много дверей. Здесь всегда гуляет ветер, и иногда гуляю я.

Доктор подтолкнул пальцем очки на переносице и вновь глянул на собеседника.

— Итак, вам недостаёт любви.

— Потому что меня шокировала картина? На мой взгляд, любого нормального человека передёрнет от подобной сцены.

— Нормального — да, но вы-то не совсем в норме.

Джеффри Томпсон смолчал.

— Самоубийца всегда верит, что знает о мире всё. Самоубийцу, такого как вы, почти исполнившего свой план, не ужаснёт мать, пожирающая своего ребёнка. Только если причина самоубийства не заключена в вашей собственной матери. Скажите, — доктор снова ткнул пальцем в очки, — кто вас не любил больше — отец или мать?

Томпсон не ответил.

— Попробуем иначе. Проявлял ли кто-то из ваших родителей хоть чуточку любви? Возможно, однажды.

На этот раз Томпсон задумался.

— Вспомните какой-нибудь эпизод. Что-то всегда откладывается в нашей памяти.

— Даже и не знаю... — Томпсон замолчал.

— Говорите, говорите! — настаивал Майкл Джейкобс.

Томпсон провёл рукой по носу.

— Мне было шесть или семь. Мама отвела меня в заброшенный дом. Его собирались снести, но тогда он ещё стоял. Мы зашли внутрь, я с порога учуял запах керосина...

— Это показалось вам странным?

— Да, но у нас в семье было не принято задавать вопросы.

Доктор Джейкобс покивал.

— Что произошло в доме?

— Там было пусто. Я знал, что те люди давно съехали. Мама провела меня в одну из комнат без окон. Затем ушла, а перед этим велела сосчитать до двадцати, прежде чем следовать за ней.

— Вы послушались.

— Конечно, сразу начал считать.

Голос Томпсона дрогнул.

— Вы досчитали до двадцати?

— Нет.

Майкл Джейкобс вновь понимающе кивнул.

— На десяти я почувствовал запах гари. Открыл дверь, а в коридоре уже полыхало. Мама подожгла дом.

Томпсон сглотнул.

— И что вы сделали?

— Я забыл, куда бежать. Полыхало со всех сторон. Мне казалось, я теряю сознание.

— Но вы не упали.

— Нет.

Томпсон вздохнул, стараясь проделать это как можно тише. Его пульс участился, стало стучать в ушах. Казалось, что и доктор мог слышать этот стук.

— Откуда-то сквозь толщу огня донёсся мамин голос.

— Вы помните, что она говорила?

— Всегда буду помнить. Она крикнула: «Ищи выход!»
В тот момент я понял, что упаду и умру тут, если только поддамся страху.

Щёки Томпсона блестели от пота.

Доктор достал и передал ему платок.

— По-вашему, действия матери были обусловлены любовью?

— Чем же ещё? — бросил Томпсон резко, так вышло случайно. — Я же нашёл выход. И остался жив.

Он замолчал, минуты две в комнате сохранялась тишина. Доктор выжидательно следил за движениями и мимикой Томпсона.

Наконец Томпсон сказал:

— Я думаю, она не умела показывать любовь обычным способом. Больше она не пыталась меня убить.

— Иными словами, больше не проявляла к вам своей любви?

Томпсон покачал головой.

— За всю жизнь она ни разу меня не обняла.

— Как вам кажется, почему?

— Я знаю почему! — вновь резко ответил Томпсон. — Она хотела вырастить меня сильным, даже чёрствым, чтобы меня невозможно было ранить.

— Вам известно, что её так ранило в жизни, от чего впоследствии она пыталась оградить и вас?

— Думаю, да. Мне кажется, отец её не любил.

— А вас?

Томпсон вздохнул, побарабанил пальцами по коленям.

— Думаю, не будет преувеличением сказать, что он меня не замечал.

Чуть погодя он добавил:

— Лет в десять я понял, что был для него нежеланным ребёнком. Я не входил в его планы.

Майкл Джейкобс, достав из ящика тетрадь, принялся делать записи.

— Когда вы осознали, что мама, пускай и таким странным образом, заботилась о вас?

— Три дня назад. На её похоронах.

— Три дня назад, — повторил доктор задумчиво. — Довольно поздно.

— Я всю жизнь злился на неё. Она была источником агрессии для меня, иногда ненависти.

— Опишите мне её.

— Описать?

— Какой она была — высокой, маленькой, черты лица, волосы...

— Ах, это...

— Не бойтесь вспоминать. Закройте глаза и представьте, что она перед вами.

Томпсон с нежеланием представил.

После паузы сказал:

— Футов пять с небольшим. Сухие тёмные волосы, подстриженные каре. Глаза... карие, непроницаемые, всегда тревожные.

— А голос? Жёсткий?

— Голос... Пожалуй, не жёсткий. Не низкий и не высокий... Просто холодный.

— Равнодушный?

— Скорее колющий.

— Как... снег? — доктор прожестикублировал в воздухе.

— Нет, мягче. Снег колет резко, — Томпсон вздохнул. — Даже не знаю...

Доктор Джейкобс улыбнулся и сказал:

— Как Лабрадорское течение в тёплой воде?

— Это, пожалуй, подойдёт.

Томпсон расправил и сложил платок.